

Павленко И. В.,кандидат философских наук, доцент кафедры философии
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара
(Днепр, Украина), E-mail: rahere@mail.ru**СЕМИОТИКА КАК ГЕРМЕНЕВТИКА: ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССА СЕМИОЗИСА В ФИЛОСОФИИ Г. ШПЕТА**

Аннотация. Представлены основания оригинальной семиотической концепции Г. Г. Шпета. Проводится анализ понятий «предметность», «предметная форма», «внутренняя логическая форма» в их отношении к знаку и основным этапам процесса семиозиса. Рассматривается возможность создания глубинной семиотики как методе понимания знаков и ее включения в в более широкий герменевтический контекст.

Ключевые слова: семиотика, герменевтика, знак, значение, предметность, предметная форма, внутренняя логическая форма.

Достаточно общепризнано, что Г. Шпет является основоположником отечественной семиотики, причем, не только в качестве адепта некоторых западных учений, но и как создатель совершенно нового направления в данной области – «глубокой» или «глубинной семиотики» [1; 2; 3]. Такое представление о философско-семиотической работе Г. Шпета возникло далеко не сразу и вовсе не связано с желанием ряда авторов представить труды философа в более выгодном свете. Скорее, речь идет о том, что многие семиотические программы, возникшие в западной науке в первой половине XX века, подвергаются все более радикальной критике и переосмыслению, вплоть до признания несостоятельности их исходных положений. В этой связи лингво-семиотическая концепция Г. Шпета выглядит достаточно современно, как научная позиция, которая вовсе не исчерпала своего креативного потенциала.

Здесь мы рассмотрим ряд ключевых для Г. Шпета понятий: знак, слово, предметность, предметная форма, внутренняя логическая форма в их отношении к его семиотической концепции.

Термин «семиотика» появляется у Г. Шпета в 1915 г. в статье, которая затем преобразуется в третью главу книги «История как проблема логики» [5]. В данной работе он высказывает мысль о том, что логика не способна адекватно обращаться с историческими понятиями, ибо последние подлежат ведению особого «семиотического познания», которое требует своей особой методологии. Логика исторического понятия, рассматриваемого как некоторый выраженный смысл, в сущности, утверждает он, должна быть семиотической дисциплиной. Значение исторического понятия – само по себе уже знак, который может быть расшифрован только посредством особого рода герменевтики. Здесь Шпет еще колеблется между тем, правильнее ли назвать эту чаемую им науку «герменевтикой» или «семиотикой». Но, как мы увидим в дальнейшем, в определении этой дисциплины ему будет важно не терминологическое название как таковое, а скорее связь ее с другими областями знания, вовлеченными в анализ проблематики *понимания*. Так, с его точки зрения, понимаемая в новом ключе семиотика будет разделом, или ветвью, общей герменевтики. [3, с. 86–87].

Г. Шпет развивает идею о сближении герменевтики как науки о понимании и семиотики как методе понимания знаков. Свидетельство в историческом исследовании не принимается как данное «наблюдение», отмечает Шпет, а всегда только как *знак*, который подлежит интерпретации.

В своей более поздней работе «Язык и смысл», Г. Шпет закладывает основы новой семиотики, которую обозначает теперь более отчетливо как науку о *понимании* знаков. «Для Шпета семиотика – не просто наука о знаках или знаковых системах, а учение о понимании знаков. Шпет понимает семиотику как дисциплину, в ведение

которой входит весь круг гуманитарных, или социально-исторических, в его терминологии, знаний. При этом характерно, что, как правило, раскрывая какие-либо семиотические понятия, Шпет не обходится без обращения к смежным дисциплинам, таким как герменевтика и феноменология. Фактически, он даже не определяет особых контуров, или границ семиотики, поэтому, например, переходы от обсуждения семиотики к обсуждению герменевтики, у него совершенно свободны, подчас даже откровенно неотчетливы. Руководящей для него является проблема понимания, соприкасающаяся с различными смежными подходами, но не исчерпывающаяся каким-либо одним из них» [3, с. 87].

В своих исследованиях Шпет настаивает на сохранении статуса знака как *материально-онтологической сущности*. Он связывает свое понимание знака с особым подходом к предметности, в котором, правда, трудно усмотреть тяготение к материализму.

Понимание предметности, которое вкладывается Шпетом в понятие *предметной формы знака*, семантически расположено между двумя значениями термина «предмет»: это вещь, выступающая в качестве феномена, во всем богатстве своих чувственных определений и, в то же время, это предметность, как внутреннее качество, неотъемлемое формообразование сознания, в определенном смысле, его собственное обнаружение. Именно с учетом этой двойственности или двухаспектности и будут в дальнейшем употребляться понятия «предмет» и «предметный».

В определенном смысле, реальный знак или материальная форма знака, в той мере, в какой мы вообще способны говорить о его *реальности*, и его чистая онтическая форма, являющаяся смысловым коррелятом некоей вещи, некоего означаемого – несопоставимы в принципе. Возможность человеческого сознания желать этой связи и обнаруживать желаемое, можно полагать либо чудом, либо опасным заблуждением, настолько велико различие между предметом и его знаковым выражением.

Таким образом, понятие предметной формы знака у Г. Шпета следует четко отграничить, как от означаемого, так и от чистой онтической формы знака. Если материальная форма знака есть нечто, приобретаемое сознанием в самом процессе чувственного созерцания, в его бесконечных и непрерывно текущих актах, то чистая онтическая форма знака есть артефакт по определению, продукт жизнедеятельности самого сознания, это некое совершенно особое означивание предмета, как бы превосходящее сам предмет, а потому от него отличающееся, и к нему не сводимое. Так, поэт в состоянии намекнуть нам об этой чистой онтической форме, в том или ином образе, но только намекнуть, так как именно чистота подобных форм защищает их от явленности любого рода.

Здесь, впервые, в рамках, очерченных предметной формой сознания, открывается и сама предметность как таковая, она является в образе *значения*. Проходя через первичное созерцание и горнило эмоциональной оценки, знак впервые начинает нечто *значить*. Можно сказать, что благодаря своей предметной форме и, что немаловажно, благодаря своей готовности быть предметным, сознание впервые и открывает для себя знак как предмет, но также открывает для себя и свою собственную знаковую природу, что принципиально для любой возможной характеристики сознания.

Теперь форма знака вообще выступает по меньшей мере в двух своих обнаружениях: *во-первых*, как сложная надстройка над сферой означаемого и, *во-вторых*, как законченное логическое формообразование, являющееся трансцендентальным аналогом существования вещи.

Названные здесь три формообразования: 1) знак – материальная вещь; 2) знак – переживание; и 3) знак – трансцендентальная т.е. чистая форма, которые для Г. Шпета в своей глубинной основе и есть стадии процесса семиозиса, и это означает, что и само сознание есть не только чувственное и чувствующее, но и сознание

знаковое, означающее и смысловое.

Предметная форма знака достаточно ясно увязывается Шпетом с особой деятельностью сознания. Эта деятельность придает любой вещи некий семантический индекс, при помощи которого вещь опознается, интерпретируется, оценивается тем или иным образом.

Возможность продуцировать, создавать свои собственные конструкты и предметные формы, без усмотрения непосредственной связи с предметом восприятия составляет основу творческой мощи сознания. Все ограничения, которые ставит Шпет на пути оперирования с реальностью, касаются лишь определенного разряда нигилирующих процедур. Иначе говоря, по Шпету, реальность нельзя устранить по собственному усмотрению, она в конечном счете не зависит от процедур семиозиса, знаки и сознание следуют за реальностью, а не наоборот.

Сам знак для феноменолога является и *вещью-предметом* (разумеется, предметом в интенциональной структуре, или в качестве члена интенциональной структуры), и *переживанием*, и *смысловым предметом* (внутренней формой, в широком смысле) и *чистым предметом*, который по Шпету завершает собой *полное* конструирование и конституирование знака.

Внешний опыт сознания представляет собой традиционную сферу эстетического в знаке, тем не менее, он для Шпета – своеобразный минимум эстетизиса, и несмотря на это, – необходимое звено в структуре процесса семиозиса. Недаром он столь активно отстаивал права внешней формы и вообще «внешности» в жизни и в искусстве: «Художник должен утвердить права внешнего, чтобы мог существовать философ. Только действительно существующее внешнее может быть осмысленно, потому что только оно – живое. Только художник имеет право и средства утверждать действительность всего – и бессмысленного и осмысленного, – лишь бы была перед ним внешность. Философ узурпирует чужие права и привилегии, когда он, заикаясь, бормочет что-то об иррациональном бытии и о действительности иррационального. Вся действительность – во внешнем, и потому такое бормотание также действительно только как бормотание – алогическая белиберда» [7, с. 192].

Таким образом, внешнее, материальная форма знака для Г. Шпета есть основа существования и жизненности любого опыта, в том числе и опыта критической рефлексии. Для Шпета весь опыт имеет тотально знаковую, даже *чистый опыт* Э. Гуссерля, поскольку последний все-таки интенцирован к процедурам смыслопорождения.

Восприятие и переживание знака – поистине «средний термин» всей процедуры семиозиса, звено, объединяющее оба полюса сознания, не дающее последнему упасть в одну из крайностей: либо превратить себя в некое чувствилище, исключив те или иные рациональные аспекты семиозиса, а значит, по Шпету, и все словесное творчество; либо предаться созерцанию чистых значений, лишенному всякой чувственной окраски. Переживание, трактуемое широко, есть тот пункт в системе, который объединяет как самые чувственные компоненты семиозиса (например, в случае с экспрессивной лексикой), так и наиболее семантические и смыслоуглубленные (например, когда мы имеем дело с поэзией или философией). В целом же, совершенно закономерно, что на переживаниях и эмоциональном воздействии построено практически все словесное творчество, как одно из наиболее значимых форм семиозиса.

В том случае, когда знак относится к внутреннему опыту сознания, мы имеем дело с трансцендентальным объектом феноменологии, т.е. уже и не с феноменом как таковым, а с отношением, делающим возможным любой феноменальный объект или семиотический опыт в собственном значении этого слова. Для человека, кем бы он ни был, естественно считать, что знаки, как факты сознания, появляются лишь в качестве синтеза тех или иных восприятий и переживаний, строящих феноменальный образ означаемого в качестве результата. Это может быть охарактеризо-

вано как проявление естественной установки сознания, которая сама по себе вполне бескачественна, однако в ряде случаев закрывает пути дальнейшего развертывания рефлексии.

Шпет настаивает на построении своеобразной *онто-логики*, логики смысла, логики интерпретации, *знаковости самого бытия*, которая логикой, строго говоря, уже не является, но есть метафизика, интерпретирующая те или иные логические связи и отношения в структуре самого бытия. В модели Шпета логика является более исходной ступенью интерпретации, чем уровень построения трансцендентальных конструкций-понятий. Логический уровень рассмотрения предлежит любому иному уровню, и не в этом ли причина того, что и Гуссерль и Шпет видели будущее философии в облике строгой науки, твердо укорененной в некоторых логических основаниях. Для данного исследования существенно то, что Шпет отказывается от полного отождествления логического и трансцендентального, предполагая, что чистая логика знака должна лежать в основе любых философских построений. Таким образом, уровень семиозиса у Шпета является основанием для создания интерпретационных моделей сознания и реального мира, причем последний сам полагается в качестве интенционального массива сознания как некая основа, субстрат восприятия и дальнейшего конструирования феноменов.

У Шпета феноменальность знака есть то, что объединяет, сближает внутренний и внешний опыт, не дает распасться целому нашего опыта, является гарантом его константности и преемственности. Использование знаков устраняет или хотя бы уменьшает водораздел между вещами ноуменальными и собственно вещью в строгом эмпирическом смысле. Шпет постоянно полемизирует с Кантом и его школой, для которых за пределами феноменального ряда находится вещь-в-себе в качестве источника наших созерцаний. Мы можем лишь надеяться, что и трансцендентальная вещь, чистый предмет (тоже, между прочим, ноумен, смысловая конструкция) есть более или менее точное описание вещи в себе.

У Гуссерля, напротив, в сознании осуществляется предстояние пока еще мысленного объекта, который конституируется тетическими актами сознания, и лишь после этого становится возможным восприятие конкретных объектов. У Гуссерля конструирование феноменов имеет не столько эстетический оттенок (в плане восприятия, как у Канта), сколько знаковый (смысловой или смысло-эстетический), постоянно воспроизводя и сохраняя момент означивания, осмысления и понимания, т.е., собственно, семиотический аспект. Впрочем, в рамках естественной установки этот момент даже не осознается, и для того, чтобы это все-таки произошло, необходим целый ряд феноменологических процедур.

Такова эмпирия процесса семиозиса и самого семиотического сознания. Проходя все указанные ступени, от полюса Вещи до полюса Самости, оно впадает в свою собственную стихию – область логических, онтических, грамматических форм.

Вопрос о метаморфозах и вариациях внутренней логической формы (знака, слова, языка) является одним из наиболее трудных для прояснения, причем не только потому, что понятие «внутренней формы», равно как и «внутренней логической формы», явно недостаточно четко и однозначно определены самим Шпетом, но также и по причине сложности и неоднозначности представлений последнего о структуре слова. Здесь мы имеем дело скорее с философскими интуициями Г. Шпета.

Разобраться в многочисленных трактовках Шпетом термина «форма» тем более важно в связи с понятием *внутренней логической формы*, играющем ключевую роль в его философии языка и эстетике. Более того, мы можем рассматривать многочисленные формы слова у Г. Шпета как специфически *знаковые формы*, поскольку для философа вся смысло-предметная сфера представляет собой сквозную иерархию систем знаков.

Существующие исследования являются скорее обзорами, чем аналитическим рассмотрением внутренней формы знака, они более ориентированы на описание

последней в историко-культурных и лингвистических контекстах. Общим местом всех современных исследований внутренних форм в философии языка Г. Шпета является указание на связь с В. фон Гумбольдтом. При этом редко обращают внимание на предисловие самого Г. Шпета к работе «Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на темы Гумбольдта)»: «Если бы автор был вообще смелее, он, наверное, прибавил бы к словам «этюды и вариации» еще один музыкальный термин: «и фантазии» [6, с. 9].

Философ подчеркивает здесь свою автономию от идей и выводов предшественника и дает понять, что строит свою собственную, ни от кого не зависимую, философскую теорию языка. Этому соответствует также и критика Шпетом позиции Гумбольдта: «Первоисточником всех неясностей в учении Гумбольдта о внутренней языковой форме явилось его неотчетливое указание м е с т а, занимаемого внутренней формой в живой структуре слова» [6, с. 60]; «Заключение о *месте* внутренних форм, мне кажется, могут быть согласованы с и д е е й Гумбольдта о внутренней форме, даже если толковать ее собственный смысл, разойдясь с Гумбольдтом в каждой б у к в е » [6, с. 79]. Поиску этого места, собственно, и посвящена философская работа Шпета.

Следует помнить, что Г. Шпет лишь пользуется термином Гумбольдта, значительно расширяя сферу его применения. То, что у Гумбольдта является только индексом, указывающим на некие внутренние характеристики языка, которые делают его доступным всем представителям данной культуры, у Шпета становится метафизической структурой, логическим, эйдетическим и смысловым стержнем, без которого означивание как такое вообще не могло бы состояться. Мы сделаем попытку проанализировать отношение Шпета к структуре знака/слова в целом, классифицировать само понятие формы и те многообразные связи, в которые вступает знак, становясь объектом философского дискурса. Слово «форма», которое мы, следуя Шпету, постоянно будем здесь использовать, является на самом деле очередным словом-бумажником Шалтая-Болтая, опасным смысловым рифом, подстерегающим исследователя, хотя бы в силу своей омонимичности, на что сетовал и сам философ, предлагая в большинстве случаев (т.е. в не-философском употреблении) заменять его словом «очертание» [8, л. 5].

Среди рукописей Г. Шпета есть текст, относящийся ориентировочно к 1925 г., в котором рассматриваются различные значения и коннотации термина «форма», в его отнесенности к смысловым и грамматическим реалиям [8]. Автор использует для прояснения своего отношения к данному понятию четыре греческих слова, выстраивая при этом особый синонимический ряд: Εἶδος – Ἰδέα – Μορφή – Σχήμα. Здесь сохранена последовательность, заданная автором рукописи, поскольку, как представляется, она имеет для Шпета принципиальное значение. Все четыре понятия участвуют в формировании смысла, хотя и по разному. В движении от одного термина к другому происходит своеобразное перетекание смысла в определенном направлении.

Во-первых, это последовательное движение от внутренней формы знака (точнее, его внутренних форм), ко все большему его овнешнению.

Во-вторых, это движение от невещественной, умозрительной формы знака к его предметности и материальности.

В-третьих, движение от несотворенной формы знака к ее созданию в ходе развертывания процесса семиозиса. Так, у Г. Шпета: «Σχήμα – большей частью геометрические очертания, но всегда деятельность разума» [8, л. 4].

Наконец, *в-четвертых*, от насыщенности и содержательности знака к схематичности, то есть, ко все большей формальности и простоте. Здесь некая невидимая, глубинная логика все более проявляется, как бы очерчивая саму себя, превращаясь при этом в доступную всем и каждому структуру, схему, абрис.

Такая последовательность характерна для Г. Шпета, поскольку для него практи-

чески любое содержание, точнее, любой рассматриваемый, исследуемый и трансформируемый материал представляется как система знаковых форм. [8, л. 4].

Кроме того, такое развертывание термина *форма* соответствует стадиям семиозиса, обнаружения и схватывания смысла и значимости знака, представленного как сложная система физических, грамматических, историко-культурных и логических знаковых форм.

Фактически, любая вещь, любое отношение или свойство могут быть знаками, но лишь в том случае, когда мы соотносим их с чем-то иным. Такое свойство «быть знаком» вещам самим по себе приписать невозможно, хотя выделяются вещи особого рода, о которых мы точно знаем, что они суть знаки по определению, равно как и любая возможная их система. Речь идет, очевидно, о слове и тексте.

Шпет поступает в данном случае предельно корректно, указывая, что, с одной стороны, «Слова-понятия: «вещь» и «знак» – принципиально и изначально гетерогенны, и только точный интерпретативный метод мог бы установить пределы и смысл каждого» [7, с. 288]. С другой стороны, он указывает, что «...само слово есть некоторая «вещь», имеющая свои онтические формы, с им присущим особым содержанием, которое входит, как смысл, в особые слова: слова-знаки о словах-вещах. Эти слова, так сказать, второго порядка (суппозициональные предикаты), будут подчиняться тому же синтаксису и той же логике, что и слова о других, окружающих нас вещах. Но они требуют, конечно, для своего отличия особого *именования*. Морфологические формы суть такого рода слова-знаки слов-вещей» [6, с. 72].

Таким образом, знак, слово, текст, язык – это вещи особого рода. Само тело языка, представленное формой знака, является областью эстетического и онтического. Достаточно вспомнить существующую в различных культурах практику каллиграфии, в которой те или иные смысловые моменты задавались внешней, зримой формой знака. Примерно то же можно сказать об акустической форме речи, о смысловом значении ее звучания, ее мелодики.

Знак, слово являются вещами также еще в одном отношении, а именно – как феномены восприятия и переживания, что знаменует собой появление художественного текста. Это следующий и последний этап в расширении сферы *лингвоэстетизиса*. Здесь мы обнаруживаем в языке те конструкции и отношения, которыми занимается грамматика, а в перспективе – поэтика и философия.

Итак, нет никаких препятствий к тому, чтобы любой знак, любое слово считать особого рода вещью. Многое здесь зависит от того, как будут расставлены акценты. Сам Шпет в одних случаях делал ударение на вещности знака («все-таки» вещь), в других, указывал на ее особенность, отличность от вещности любого иного рода. Отметим только, что в поздний период своего творчества философ более опирался на первую установку.

Вернемся к рассмотрению знака. Последний открыт нам сам по себе, во всей своей чистоте и незамутненности и вначале ничего, кроме себя самого не изображает и не обозначает. Все это – либо более ранние, либо более поздние операции. Возможно, знак – это единственная вещь, которая открыта нам сама по себе или, во всяком случае, более любой другой. Знак открывается нам не только и не столько в качестве феномена, сколько в качестве мыслительной формы и модели отношения мысли к себе самой.

Форма знака, графическая или звуковая, принимается удобства ради, в самом знаке ничего не изменяет. Точно также обстоит дело с логическими и *quasi-логическими* формами, разновидностью которых выступают для Шпета поэтические формы. Семантика внутренних логических форм начинается уже тогда, когда мы переходим от внешней, случайной, феноменальной формы знака к самому понятию знака и к знаковости как таковой.

Внутренняя логическая форма составляет смысловое ядро любого знака-слова, охватываемое, в одном отношении – онтическими формами называемых вещей

(предметная форма) и, в другом, внешними: акустическими, физиологическими, собственно языковыми и историко-культурными формами. Эти внешние формы отнюдь не у mažаются Шпетом, напротив, их значение постоянно подчеркивается, например, «Мы никогда не можем допустить в н у т р е н н е й я з ы к о в о й ф о р м ы там, где ей не соответствует никакой фонетической формы» [6, с. 79]. Соотношение между внутренними и внешними формами знака напоминает соотношение между трансцендентальным и феноменальным планами сознания, рассмотренными ранее.

Особого замечания заслуживает отношение внутренних форм в целом и внутренней предметной формы знака. Если внутренняя форма находится именно *внутри* знака и может быть представлена средствами языка, то чистая предметность уводит слово за пределы языка, в область мыслимого, или только возможного содержания, чистые предметные формы у Шпета – за пределами для языка, и составляют для последнего лишь мыслимую материю, источник или возможность смысла.

Рассмотрение семиотической концепции Г. Шпета показывает, что она является совершенно оригинальной теорией, далеко не утратившую своего эвристического потенциала. Особенно продуктивным может оказаться ее разработка в отношении т.н. внутренних, ментальных феноменов, исследование которых и в настоящее время является чрезвычайно актуальной научной и философской задачей.

БІБЛІОГРАФІЧНІ ПОСИЛАННЯ:

1. Тульчинский Г. Л. Глубокая семиотика // Проективный философский словарь: Новые термины и понятия. – СПб., 2003.
2. Фещенко В. В. Глубинная семиотика: стадии погружения (от «внутреннего человека» к «человеку Авангарда») // Семиотика и Авангард. – М., 2006. – С. 125–149.
3. Фещенко В. В. Густав Шпет и неявная традиция глубинной семиотики в России // Критика и семиотика. Вып. 12, 2008, С. 84–95.
4. Шпет Г. Г. Мудрость или разум? // Шпет Г. Г. *Philosophia Natalis*: Избранные психолого-педагогические труды. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 311–365.
5. Шпет Г. Первый опыт логики исторических наук: к истории рационализма XVIII века // Вопросы философии и психологии, 1915, № 3.
6. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на темы Гумбольдта). – М.: ГАХН, 1927. – 282 с.
7. Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания: Избранные труды по философии культуры. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 173–322.
8. Шпет Г. Г. О различных значениях термина «форма». Доклад. (Протокол заседания ГАХН). Автограф // Отдел рукоп. РГБ, ф.718, к.21, ед. хр.29, 6 л.

REFERENCES:

1. Tul'chinskiy G. L. Glubokaya semiotika [The Deep semiotics] // Proektivnyy filosofskiy slovar': Novye terminy i ponyatiya. – SPb., 2003.
2. Feshchenko V. V. Glubinnaya semiotika: stadii pogruzheniya (ot «vnutrennego cheloveka» k «cheloveku Avangarda») [Semiotics of the Deep: stage dive (from the «inner man» to «man of the Avant-garde»)] // Semiotika i Avangard. – M., 2006. – S. 125–149.
3. Feshchenko V. V. Gustav Shpet i neyavnaya traditsiya glubinnoy semiotiki v Rossii [Gustav Shpet and implicit deep tradition of Russia semiotics] // Kritika i semiotika. Vyp. 12, 2008, S. 84–95.
4. Shpet G. G. Mudrost' ili razum? [Wisdom or intelligence?] // Shpet G. G. *Philosophia Natalis*: Izbrannyye psikhologo-pedagogicheskie trudy. – M.: ROSSPEN, 2006. – S. 311–365.
5. Shpet G. Pervyy opyt logiki istoricheskikh nauk: k istorii ratsionalizma XVIII veka [The First experience of the logic of the historical Sciences: historical rationalism of the XVIII century] // Voprosy filosofii i psikhologii, 1915, № 3.
6. Shpet G. G. Vnutrennyaya forma slova (Etyudy i variatsii na temy Gumbol'dta) [The Internal form of words (Etudes and variations on the theme of Humboldt)]. – M.: GAKhN, 1927. – 282 s.
7. Shpet G. G. Esteticheskie fragmenty [Aesthetic fragments] // Shpet G. G. *Iskusstvo kak vid znaniya*: Izbrannyye trudy po filosofii kul'tury. – M.: ROSSPEN, 2007. – S. 173–322.
8. Shpet G. G. O razlichnykh znacheniyakh termina «forma». Doklad. (Protokol zasedaniya GAKhN). Avtograf [About the different meanings of the term «form». Report. (Minutes of the meeting gakhn). Autograph] // Otdel rukop. RGB, f.718, k.21, ed. kh.29, 6 l.

Павленко І. В., кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії Дніпровського національного університету імені Олеся Гончара (Дніпро, Україна), E-mail: rahere@mail.ru

Семіотика як герменевтика: загальне представлення процесу семіозиса в філософії Г. Шпета.

***Анотація.** Представлені основні засади оригінальної семіотичної концепції Г. Г. Шпета. Проводиться аналіз понять «предметність», «предметна форма», «внутрішня логічна форма» в їх відношенні до знаку і головним етапам процесу семіозиса. Розглядається можливість створення глибокої семіотики як метода розуміння знаків і її включення до більш широкого герменевтичного контексту.*

***Ключові слова:** семіотика, герменевтика, знак, значення, предметність, предметна форма, внутрішня логічна форма.*

Pavlenko I., PhD in philosophical sciences, associate professor of philosophy Oles Honchar Dnipropetrovsk National University (Dnipro, Ukraine), E-mail: rahere@mail.ru

Semiotics as hermeneutics: general idea of the process semiosis in philosophy by G. Shpet.

***Abstract.** The establishments of the original semiotics concept of G.Shpet are presented. The analysis of concepts «concreteness», «the subject shape», «the intrinsic logic shape» in their attitude to a sign and the basic stages of the process semiosis is carried out. The possibility of building of deep semiotics as a method of understanding of signs and its incorporations in wider hermeneutic context is considered. A series of key concepts for G.Shpet is analyzed: a sign, a word, concreteness, the subject shape, the intrinsic logic shape in their attitude to its semiotics concept. G. Shpet educes idea about hermeneutics coming together as sciences about understanding and semiotics as a method of understanding of signs. The testimony in historical examination is not accepted as given observation, scores Shpet, and always only as a sign which is subject to interpretation.*

Viewing of the semiotics concept of G. Shpet shows that it shows absolutely original theory which far has not lost the heuristic potential. Especially productive there can be its development concerning the so-called intrinsic, mental phenomena which examination and is now extremely actual scientific and philosophical problem.

***Keywords:** semiotics, hermeneutics, sign, meaning, objectness, subject form, inner logic form.*

УДК 321.015 + 321.72 + 328.122 + 328.131 + 328.183 + 328.187 + 342.529

Панчак-Бялоблонецька Н. В.,

кандидат політичних наук,

викладач Вищої школи регіональної економіки

в м. Кутно (Республіка Польща),

докторант кафедри політології

Львівського національного університету імені Івана Франка

(Львів, Україна), E-mail: nadia.panczak@gmail.com

ПАРТІЙНО- ТА КОАЛІЦІЙНО-ЗУМОВЛЕНІ ПРИЧИНИ І ПЕРЕДУМОВИ ФОРМУВАННЯ УРЯДІВ МЕНШОСТІ У ЄВРОПЕЙСЬКИХ ПАРЛАМЕНТСЬКИХ ДЕМОКРАТІЯХ

***Анотація.** Виокремлено й проаналізовано партійно- та коаліційно-зумовлені причини і передумови формування урядів меншості у європейських парламентських демократіях. Виявлено, що партіологічна і коаліційна зумовленість урядів меншості у парламентських демократіях є доволі різносторонньою і багатогранною, однак в основному окреслюється проблематикою раціонального вибору партіями сценаріїв урядів меншості.*

***Ключові слова:** уряд, уряд меншості, партії, партійні системи, коаліції, причини і передумови формування урядів меншості, парламентська демократія, Європа.*

Уряди/урядові кабінети меншості, як свідчить європейський досвід і порівняльна статистика, сьогодні є «нормальним» явищем політичного процесу і владно-виконавчих відносин у парламентських демократіях, оскільки, за різними даними